

Юлия Юрьевна Даниленко

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры новейшей русской литературы,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Российская Федерация)
danilenko.juli@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА РОЖДЕСТВЕННОГО РАССКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (Д. БЫКОВ, Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации жанра рождественского рассказа в современной литературе. В работе анализируется влияние классического рождественского рассказа Г. Х. Андерсена «Девочка со спичками» на структуру современных текстов (Д. Быков «Девочка со спичками дает прикурить», Л. Петрушевская «Черное пальто»). Предметом исследования являются стратегии переосмысления, перекодирования исходного содержания первоисточника в ткани нового произведения. В ходе работы произведен структурно-семиотический анализ текстов, выявлены приемы обновления жанра: наполнение новой семантикой, усложнение жанровой модели рождественского рассказа. Анализ показал, что обращаясь к жанру рождественского рассказа, современные авторы преследуют различные цели, используют разные художественные стратегии и приемы. Одни стремятся воспроизвести канон, апеллируя к читательской памяти (Д. Быков). Другие авторы развивают жанр рождественского рассказа, обогащая его новыми структурными элементами, скрещивая с другими жанрами (Л. Петрушевская).

Ключевые слова: современная литература, рождественский рассказ, трансформация жанра, интертекстуальность

В современной литературе последних десятилетий отмечается устойчивый интерес к христианской проблематике, что связано с постепенным возрождением в обществе традиций христианской культуры.

Жанр рождественского рассказа, пожалуй, один из самых востребованных современной культурой жанров христианской литературы, который реконструируется очень активно. В первое десятилетие XXI века уже вышло три, как минимум, тематических сборника рождественских рассказов: («Покажи мне звезду» (2005), «0 января» (2009), «Святочные рассказы.

XXI век» (2010), что говорит о востребованности христианской культуры в современном обществе, о попытке реконструкции календарной литературы.

История изучения жанра рождественского рассказа в отечественном литературоведении представлена недостаточно широко. Наиболее авторитетными представляются работы Е. В. Душечкиной «Русский святочный рассказ: становление жанра» (1995) [3], М. А. Кучерской «Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени» (1997) [8]. Также в работах Н. Н. Старыгиной [12], Х. Барана [1], О. Н. Калениченко [6], В. Н. Захарова [5], В. А. Кошелева [7], И. А. Есаулова [4] описаны этапы становления и формы бытования рождественского, святочного и пасхального рассказа в русской словесности на материале литературы XIX. — начала XX веков. Однако исследования, посвященные современному состоянию жанра, практически отсутствуют, в то время как современные авторы активно обращаются к жанру рождественского рассказа. Начиная с постперестроечного периода, в российской литературе сформировался значительный корпус текстов, продолжающих традицию этого жанра («Конец века» О. Павлова, пьеса «Пока она умирала» Н. Птушкиной, «Капустное чудо» Л. Улицкой, «Золотая середина» Н. Горлановой, и др.). Несомненно, этот пласт словесности нуждается в специальном изучении.

Как отмечает Д. Быков: «Рождественский, святочный, пасхальный рассказ — жанр сильной литературы, признак ее расцвета. <...> Возвращение к канону, вдобавок религиозному, трудному, задающему конкретное время действия — знак интереса к этому жанру; чья роль, однако, огромна, поскольку именно он весьма точно определяет здоровье большинства, — святочный рассказ. Он заставляет писателя и читателя совместно переживать эмоции весьма высокого порядка» [2].

Таким образом, наблюдая за трансформацией формы и содержания рождественского рассказа в современной словесности, можно получить представление не только о движении литературного канона, но и о состоянии современного общества, о его болевых точках. Потому стоит обратить

внимание на время создания современных рождественских рассказов — это нулевые годы, также ряд текстов написан еще раньше — в постперестроечные девяностые годы (рассказы О. Павлова, Л. Улицкой, М. Кучерской, Н. Горлановой, и др.). Постперестроечное время в российском обществе, а также начало нулевых годов обозначилось мощными мировоззренческими сдвигами, реформатированием вертикали ценностей, а также отчаянными поисками собственной идентичности. Потому вопросы духовности и нравственного состояния общества встали особенно остро в переломный период. Постепенное возвращение российского общества к духовным основам воплотилось, в том числе, и в актуализации жанров духовной литературы. Конечно, жанр рождественского рассказа в современной литературной традиции претерпевает значительные изменения, трансформируется, скрещивается с другими жанрами.

Одной из основных черт словесности конца 1990-х — начала 2000-х гг. является интертекстуальность — активный диалог с наследием мировой классической литературы и канона в целом. Современная литература находится в постоянном поиске новых жанровых форм, отказываясь от традиционных. Приемы деконструкции и трансформации, размывание границ жанров также являются важными чертами современной литературы.

Оба рассказа, Л. Петрушевской и Д. Быкова, воспроизводят сюжет классического рождественского рассказа Г. Х. Андерсена «Девочка со спичками», который выступает для современного текста в роли канона. Авторы используют различные модели диалога с первоисточником, преследуют разные цели обращения к известному читателю образцу жанра.

Рассказ Д. Быкова «Девочка со спичками дает прикурить» опубликован в журнале «Огонек» в 2006 году, в канун Рождества. Текст Д. Быкова — это современная интерпретация классического рассказа Г. Х. Андерсена. К великому сказочнику автор нового времени апеллирует намеренно, атрибутивно, вводя имя Андерсена в повествовательную структуру собственного текста, уже не только как автора канонического

источника, ставшего основой для множественных интерпретаций, но как культурного персонажа, за которым закрепляется в коллективной памяти сложившийся комплекс характеристик:

Я не стану пугать вас ужасными подробностями, которые так любил сентиментальный садист Андерсен, вечно подвергавший своих малолетних героев неслыханным испытаниям. У нашей девочки не было ни потрескавшихся башмаков на красных от холода ножках, ни рваных рукавиц на синих от холода ручках, ни жалобных просьб на белых от холода губках. Она не собирала денег на больную маму, не просила подать на пропитание малолетнего братика и вообще смотрела на прохожих с глубоким сочувствием, словно это не ей, а им требовалась благодетельная помощь (44–45).¹

Сама модель нарратива Д. Быкова, включающая инстанцию читателя, выстраивает рамку, которой автор обрамляет свое повествование. Повествователь договаривается с читателем, который вырос на сказках Г. Х Андерсена, о том, что он расскажет историю, похожую на андерсеновскую, но свою, новую, которая будет адресована современному читателю. Для современного автора первоисточник важен как алфавит, как знак того, что у автора и читателя единый читательский опыт и общая культурная база.

Текст Быкова представляет собою своеобразное продолжение андерсеновской истории, скорее, это уже «девочка со спичками наоборот», на чем автор буквально настаивает. Девочка — героиня Д. Быкова кардинально отличается от героини Г. Х Андерсена, так как это новая ипостась, новая инстанция «девочки со спичками», той, которая уже стала именем нарицательным, символом жертвы жестокого мира в общем культурном сознании.

Маленькая аккуратная девочка со спичками в белой шубке, белых сапожках и голубой вязаной шапочке стояла на перекрестке двух центральных улиц и предлагала всем закурить. Это происходило в крупном городе, может, столичном, а может, просто миллионном — хоть в том, в каком живете вы, милый читатель (44).

Как мы помним, маленькая героиня Г. Х Андерсена замерзает на улице в канун Рождества. В тексте Д. Быкова героиня

словно возвращается обратно уже в образе ангела: она теперь отнюдь не жертва, в современном изводе сочувствие требуется другим персонажам. Современный автор работает другими методами: демонстративно отказываясь от сентиментальной традиции, он, так же как и Г. Х. Андерсен, выносит приговор современному обществу: общество оказывается больным и насквозь порочным, которому не в силах помочь даже ангел в канун Рождества.

Автор играет с названием текста первоисточника, создавая дополнительные коннотации собственной истории, вводя гротесковый элемент, как в название рассказа, так и в его содержание. Название рассказа: «Девочка со спичками дает прикурить» двучастное: первая часть — это буквальная цитата, повтор андерсеновского названия, маркирующий текст как рождественский рассказ с атрибутированной классической традицией.

Вторая же часть заглавия — это фразеологизм «дать прикурить», который снижает образ ангела, но несет в себе важную семантику: означает «проучить, нанести поражение». Такое сочетание кажется гротескным и даже отчасти оксюморонным. Однако Д. Быков лишь раскавычивает, остраивает название первоисточника. Наложение же двух смыслов в названии современного текста рождает множественные вариации прочтения, первая из которых — «восстановление справедливости», потому первичное значение функции представляется вторичным. Действительно, фабула рассказа такова: девочка со спичками утоляет нужды страждущих и немощных, предлагая героям прикурить от волшебных спичек. Помогает влюбленным обрести мир и согласие, калеке — вернуть физическое здоровье и веру в собственные силы, отчаявшемуся безработному — найти подходящую вакансию. Однако коллизия современного текста такова, что не все в настоящее время подвластно ангелу.

Кульминация рассказа — это столкновение с настоящими бесами — силой, которой не может противостоять сила ангела. Именно семантикой бесовства маркирует автор представителей «городской элиты»:

Некоторое время девочка со спичками брезгливо смотрела на жадные руки, тянущиеся к ней, и слушала алчные выкрики. Всем этим людям она была нужна, даже необходима — но совершенно не для того, для чего была на самом деле предназначена. Она брезгливо усмехнулась, и все затихло. Только бился сзади в истерике депутат местного законодательного собрания, призывавший немедленно оштрафовать ребенка за демонстративное курение на улицах. Сам депутат держал небольшой притон, но делал это скрытно, недемонстративно.

— Да идите вы все на фиг, — сказала девочка с ангельской улыбкой и чиркнула черной спичкой.

В ту же секунду толпа вокруг нее рассеялась. Контуры городской элиты побледнели, заколебались и растаяли в морозном воздухе (47).

Избавив город от пороков, девочка-ангел исчезает сама в финале рассказа, а повествователь вновь вступает в диалог с читателем, обозначая собственное присутствие:

Кое-кто, конечно, сочтет этот финал недостаточно оптимистичным... Но смею вас уверить, что Рождество бывает раз в году, не чаще и не реже, и девочка со спичками встретится вам еще неоднократно. Надо только уметь смотреть по сторонам (47).

Итак, текст завершается вполне оптимистично, хотя по этому поводу автор считает необходимым объяснить с читателем, провести контрольную сверку читательских ожиданий. Автор пообещал читателю рождественский рассказ и формально выдержал канон: действие происходит в канун Рождества, чудо свершается, в итоге автор приводит читателя к выводам о неутешительном духовном состоянии современного общества. Очевидно, что Д. Быков строго выдерживает требования избранного жанра, обеспечивая занимательность, делая комплиментарные реверансы в сторону читателя. Рассказ Д. Быкова — яркий пример постмодернистского текста, для которого характерны такие черты, как интертекстуальность, диалог с читателем, трансформация жанровых моделей. Наполняя классический канон рождественского рассказа новым актуальным содержанием, Д. Быков создает социальный памфлет о состоянии современного общества.

Художественный мир Л. Петрушевской — это сложный, тонко организованный микрокосмос, приглашающий читателя к размышлению над вечными вопросами бытия: о природе добра и зла, смерти, о любви.

В рассказе Л. Петрушевской «Черное пальто» следы андерсеновского текста проступают совершенно неожиданно. Промежуточный характер жанровой формы рассказов писательницы не раз отмечали исследователи (Т. Н. Маркова [9], Т. Г. Прохорова [10], Ю. Н. Серго [11] и др.) Тексты Петрушевской вбирают в себя следы многих жанров, образуя новые жанровые модификации, потому художественный мир писательницы предстает многомерным и пластичным, способным воплотить всю фантастичность и абсурд реальности.

Т. Г. Прохорова точно отмечает специфику жанровой организации текстов Л. Петрушевской: «Эти истории обычно содержат установку на достоверность, вместе с тем они многими нитями связаны с такими жанрами, как сказка, быличка, баллада, в которых выражен интерес к миру чудесного, таинственного, непостижимого. Их роднит романтическое двоемирие, которое, так или иначе, проявляет себя в каждом из этих жанров» [10, 29]. Так, рассказ «Черное пальто» включается в разные сборники с различными жанровыми маркировками: как мистический рассказ в цикле «Где я была (рассказы из иной реальности)» (2002), как сказка в цикле «Настоящие сказки» (1999).

Действительно, сложноорганизованная жанровая конструкция текстов Л. Петрушевской допускает разные варианты прочтения текста. Сюжет может разворачиваться по той смысловой траектории, которую актуализирует для себя читатель. Так, исследуя природу мистического в художественной системе автора, Т. Г. Прохорова обнаруживает в структуре рассказа «Черное пальто» следы жанров мениппеи, баллады, сказки, детской страшилки» [10, 31]. Исследователь приходит к выводу, что именно работа с формами жанров позволяет автору отчетливей высветить все грани и возможные преломления мистического начала в реальной действительности.

В продолжение исследования жанровой природы настоящего текста стоит отметить, что помимо отмеченных следов этот рассказ содержит в себе также и следы жанра рождественской истории, а именно следы сказки Г. Х. Андерсена «Девочка со спичками». Поэтому рассказ «Черное пальто» можно прочесть как современный рождественский текст.

Вспомним жанровый канон рождественского рассказа и отметим, что формально все признаки присутствуют у Л. Петрушевской: хронологическая приуроченность; наличие элемента чудесного; наличие нравственного урока, морали; наличие инстанции рассказчика, счастливый финал.

Действие в рассказе «Черное пальто» происходит зимой, но нет конкретного указания на время Рождества, что является отличием многих современных рождественских историй. Современные авторы все чаще отказываются от точной календарной маркировки с целью выведения повествования из условно-сказочного канона. Несмотря на это, хронотоп рассказа Л. Петрушевской очень схож с андерсеновским:

Одна девушка вдруг оказалась на краю дороги зимой в незнакомом месте: мало того, она была одета в чье-то чужое черное пальто. <...> Девушка вообще не помнила, кто она такая и как ее зовут. Она стояла и мерзла на непонятном шоссе зимой, ближе к вечеру (112)².

Как и в андерсеновской сказке, героиня Л. Петрушевской тоже не имеет имени («одна девушка»), оказывается одна зимним вечером на улице никому не нужная, одетая в чужие одежды. Главный атрибут андерсеновской героини — спички, ставший символом спасения и перехода в иную реальность одновременно, в рассказе Л. Петрушевской становится также основным сюжетообразующим элементом. Именно с момента обретения спичек у героини появляется надежда на спасение.

В отличие от героини Г. Х. Андерсена, для которой спички служат символом спасения, избавления от страдания, перехода в иной мир, для героини Л. Петрушевской все оказывается не так просто. Девочка со спичками уже выросла, она сталкивается уже совсем с иными проблемами. Ее бросает жених, как только узнает о будущем ребенке. Беременная,

в крайней степени отчаяния, героиня решает покончить жизнь самоубийством. Петрушевская поднимает не только проблему греха самоубийства, но размышляет еще и о природе материнства. Отнюдь не внешние обстоятельства, но внутренняя духовная незрелость и несостоятельность приводит героиню к отчаянному решению. Это странное путешествие в чужом черном пальто становится для героини путем обретения себя. Эта ситуация перехода необходима ей как акт познания собственной сути, истинной любви, природы материнства. Возможность нести в мир любовь, содержать ее в себе, что является сутью материнства, героиня начинает осознавать только при свете спасительной спички:

Был еще кто-то там, чье присутствие она ясно чувствовала, и кто любил ее. <...> Этот кто-то тихо стоял перед ней и жалел ее. И хотел поддержать, но она его не могла видеть и слышать (121).

Спички в настоящем тексте являются символом не столько памяти, сколько прозрения. Огонь спички освещает и проясняет истинный смысл и суть вещей и явлений, высвечивает скрытые от героини мраком реальности подлинные основы. Рассказ завершается, как подобает настоящему рождественскому рассказу, чудом.

Девушка быстро, как только могла, растянула шарф на шею, задыхалась, непослушными пальцами развязала узел на трубе под потолком <...> плюхнулась в кровать (112).

Подлинным чудом в сюжете рассказа становятся познание себя и прозрение героини. Огонь спичек в рассказе Л. Петрушевской становится так же, как в тексте Г. Х. Андерсена, символом спасения. Из мрака заблуждения она вернется в свою прежнюю реальность уже иной, это будет реальность нового сознания.

Жанр рождественского рассказа актуален в современной литературе, о чем свидетельствуют жанровые трансформации рассказа «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена. Реализуя различные художественные стратегии, современные авторы обличают пороки современного общества (Д. Быков), развивают и усложняют классический сюжет новыми психологическими смыслами (Л. Петрушевская).

Примечания

- * Исследование выполнено в рамках проекта 058–П Программы стратегического развития ПГГПУ.
- ¹ Цитируется по изданию: *Быков Д. Л.* Девочка со спичками дает прикурить // *Огонек*. 2006. № 52. С. 44–47. В круглых скобках указывается номер страницы.
- ² Цитируется по изданию: *Петрушевская Л. С.* Где я была: Рассказы из иной реальности. М.: Вагриус, 2002. В круглых скобках указывается номер страницы.

Список литературы

1. *Баран Х.* Дореволюционная праздничная литература и модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. 329 с.
2. *Быков Д. Л.* Девочка без спичек [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gzt.ru/topnews/culture/-devochka-bez-spishek-/289298/html/main_image/ (дата обращения: 13.10.2014).
3. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
4. *Есаулов И. А.* О некоторых особенностях рассказа А. П. Чехова «Ванька» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып.2. С. 480–483.
5. *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып.3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 249–261.
6. *Калениченко О. Н.* Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 246 с.
7. *Кошелев В. А.* Хомяков А. С. Светлое Воскресенье. Повесть, заимствованная у Диккенса / Публ., вступл. и прим. В. А. Кошелева // Москва. 1991. № 4. С. 81–105.
8. *Кучерская М. А.* Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. — 21 с.
9. *Маркова Т. Н.* Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М.: МГОУ, 2003. 267 с.
10. *Прохорова Т. Г.* Мистическая реальность в прозе Петрушевской // Русская словесность. 2007. № 7. С. 29–34.

11. *Серго Ю. Н.* Поэтика прозы Л. Петрушевской: взаимодействие сюжета и жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск. 2001. 22 с.
12. *Старыгина Н. Н.* Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.

Yulia Yur'evna Danilenko

*Ph.D., Associate Professor of Perm' State Humanitarian-Pedagogical University
(Perm', Russian Federation)
danilenko.juli@mail.ru*

THE TRANSFORMATION OF THE GENRE OF THE CHRISTMAS STORY IN MODERN LITERATURE (D. BYKOV, L. PETRUSHEVSKAYA)

Abstract. Article is devoted to the study of the transformation of the genre of the Christmas story in modern literature. The article analyzes the influence of classic Christmas story by Hans Christian Andersen *The Little Match Girl* in the structure of modern texts mass and elite literature. (D. Bykova *The Little Match Girl gives a light*, L. Petrushevskaya *Black Coat*). The subject of the study are rethinking strategy, recoding the source of the original content in the fabric of a new product. The work produced by the structural and semiotic analysis of texts revealed tricks updates genre: filling of the new semantics, complexity genre model Christmas story. Analysis showed that turning to the genre of the Christmas story, modern authors have different purposes, using different artistic strategies and methods. Some tend to reproduce the canon, appealing to the reader's memory (D. Bykov). Other authors develop a genre of the Christmas story, enriching it with new structural elements, crossing with other genres (L. Petrushevskaya).

Keywords: Modern literature, Christmas story, the transformation of the genre, intertextuality,

References

1. Baran Kh. Dorevoliutsionnaya prazdnichnaya literatura i modernizm [Prerevolutionary festive literature and modernism]. *Baran Kh. Poetika russkoy literatury nachala XX veka* [*Baran Kh. Poetics of Russian literature of the beginning of XX century*]. Moscow, 1993. 329 p.
2. Bykov D.L. *Devochka bez spichek* [*Girl without matches*]. Available at: http://www.gzt.ru/topnews/culture/-devochka-bez-spishek-/289298/html/main_image/ (accessed 13.10.2014)
3. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhanra* [*Russian Christmas story: The Rise of the genre*]. St. Petersburg, Language Centre of SpbSU, 1995. 256 p.

4. Esaulov I. A. O nekotorykh osobennostyakh rasskaza A. P. Chekhova «Van'ka» [About some features Anton Chekhov's story Van'ka]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998. Vol. 5: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. Issue 2, pp. 480–483.
5. Zakharov V. N. Paskhal'nyy rasskaz kak zhanr russkoy literatury [Easter story as a genre of Russian literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. Issue 1, pp. 249–261.
6. Kalenichenko O. N. *Sud'by malykh zhanrov v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka (svyatochnyy i paskhal'nyy rasskazy, modernistskaya novella)*. *Diss. dokt. filol. nauk* [The fate of small genres in Russian literature of the late XIX – early XX century (Yule and Easter stories, modernist novel)]. *Dr. filol. sci. diss.*. Volgograd, 2000. 246 p.
7. Koshelev V. A. Khomyakov A. S. Svetloe Voskresen'e. *Povest', zaimstvovannaya u Dikkensa* [Easter Sunday by Khomyakov A. S. Tale borrowed from Dickens]. Moscow, 1991, no. 4, pp. 81–105.
8. Kucherskaya M. A. *Russkiy svyatochnyy rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni. Avtoreferat diss.i ...kand. filol. nauk* [Russian Christmas story and the problem of the canon in modern literature. PhD diss. abstract]. Moscow, 1997. 21 p.
9. Markova T. N. *Sovremennaya proza: konstruktsiya i smysl (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)* [Modern Prose: design and meaning (W. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2003. 267 p.
10. Prokhorova T. G. *Misticheskaya real'nost' v proze Petrushevskoy* [Mystical reality prose Petrushevskaya]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2007, no. 7, pp. 29–34.
11. Sergo Yu. N. *Poetika prozy L. Petrushevskoi: vzaimodeistvie siuzheta i zhanra. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of prose L. Petrushevskaya: interaction plot and genre.. PhD philol. sci. diss. abstract]. Izhevsk, 2001. 22 p.
12. Starygina N. N. *Svyatochnyy rasskaz kak zhanr* [Christmas story as a genre]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU, 1992. Vol. 2: *Khudozhestvennyye i nauchnyye kategorii* [Artistic and scientific category], pp. 113–127.